

Людмила Милославец Элласхида

*Жизнь — это долг, хотя б она
была мгновением.*

И. В. Гёте

*Мы проходим по жизни туманами
Одинаково непохожие,
Непокорные, на век разлученные.
Мы обмануты снами заветными,
Мы завёрнуты в черные мантии.
Эти мантии — наши сомнения.
Сны — осколки от сердца разбитого.
Мы Любовью когда-то отравлены.
Мы больны бесконечной разлукою.*

*Птицей белою в небо взлетаем мы.
В голубых небесах мы купаемся.
За мечтой в даль далёкую
Без раздумий опять отправляемся.
Что же ищем в забытых окраинах?
Чем же душу хотим успокоить мы?
В море лжи и сомнений, что радует
Наше сердце об горе разбитое?
Там, за синими грозными далями,
В облаках, на воздушных кораблицах,
Убегая от ветра колючего,
Там Любовь живёт безоглядная!*

Глава 1

Африканские и испанские берега еще скрывались в предутренней дымке. Высокие горы обоих берегов, подернутые прозрачным покрывалом облаков, имели величественный вид. Облака, венчая возвышенные вершины белыми кудрями, цеплялись за горы, ежеминутно изменяя свои очертания.

Мы вошли в пролив Гибралтар с утренним приливом. Преимуществом нашего зрения было то, что мы легко могли рассмотреть оба берега: и испанскую скалу, которую в древности называли Геркулесовыми столбами, на севере, и Джебель-Муса на южной, африканской стороне. Древние мореходы считали, что здесь оканчивалась земля и называли этот пролив воротами Мира.

Медленно проплывал мимо нас испанский берег. Я смотрел на дальние отроги гор Андалусии и ловил себя на том, что волнуюсь. Когда-то, после того как я решил искать Красноглазого по всей земле, я бывал и в Испании, и во всех странах Европы. Я обошел их все, одну за другой, но тогда у меня не было никаких чувств, только холодное стремление найти врага. Теперь же тоска по Франции сжала сердце. Тоска, волнение, страх — я даже не мог выразить, какие чувства владели мной сейчас.

Тогда европейские страны я обследовал скорее так, на всякий случай, и даже не надеялся на успех. Да и на протяжении ста лет я не нашел ни одного намека, что Красноглазый мог находиться в этих местах. Как тогда, так и сейчас, я не думаю, что Красноглазый мог остаться в Европе. Зачем? Он сделал свое дело и был свободен. Значит, он отправился туда, где ему хорошо.

— Сударь, скоро мы будем проплывать мимо Малаги. Может, остановимся на пару минут? — спросил Тибо.

— Зачем?

— Те корабли... вы помните? Ну, те, что покинули бухту Рибейра Гранде после грозы. Те, когда похитили Орианну?

— Я помню, Тибо. Тебя что-то настораживает?

— Я не могу сказать, что меня это сильно волнует, но чувствую, что здесь что-то не так.

— Что именно?

— Дело в том, что мы с Тьери кое-что слышали о странных кораблях, на которых ходят живые мертвецы. Среди моряков бродят слухи. Матросы в портовых тавернах рассказывают о них легенды. Говорят об их жестокости, о том, как они нападают на проходящие суда, убивают команду и пассажиров.

— Ты думаешь, это вампиры?

— Все может быть.

— Даже если это так, зачем они нам?

— Красноглазый, конечно, шустрый малый.

Но не думаете же вы, что он и по морю передвигается вплавь. Во всяком случае, это необычные корабли и можно просто проверить, в чем там дело.

— Тибо, я и сам тогда подумал о странном совпадении в названиях кораблей и именах капитанов. Просто я хотел, чтобы ты объяснил, что тебя заинтересовало.

— Тогда мы с Тьери пораспрашиваем о них в порту, а вы с Ишей побудете на корабле, — поспешно проговорил Тибальд и в одну секунду оказался на мостике.

Я усмехнулся: они боятся за меня.

Утро выдалось пасмурным и дождливым. Ветер доносил с берега запахи человеческого жилья. Проведя много времени вдали от людей, я сейчас вновь чувствовал все муки жажды. Не представляю, каким образом мои товарищи справляются с этим, но знаю — им тоже нелегко.

«Санта Диана» покачивалась на волнах. Постояв немного на палубе под дождем, я ушел в каюту. Тьери с Тибальдом вернутся только к вечеру. Я сел в кресло с книгой, а Иша улегся у моих ног. Прошло несколько часов, прежде чем я услышал, как о борт ударилась пришвартованная

шлюпка. Я поднялся, чтобы выйти навстречу своим друзьям, но дверь в каюту с треском распахнулась, и на пороге показался высокий, одетый в черный плащ вампир.

— Сеньор?

— Вы капитан этого судна?

— Нет, а в чем дело?

— Прошу представиться.

— Виконт Мишель Тъери Ренард де Морель, к вашим услугам. С кем имею честь говорить?

— Виконт Альваро Джеральдо де Кристобалис.

— Чем обязан вашему визиту?

— Мне поручено передать вам вот это, — Кристобалис протянул конверт и, слегка поклонившись, вышел.

Я вскрыл конверт. На бумаге высшего качества старинным, уже давно вышедшим из обращения слогом было написано предписание с требованием явиться в Верховный Магистрат.

С нарастающим нетерпением и беспокойством ждал я возвращения друзей. Они вернулись поздно вечером.

— Ну, и как ваши поиски? — спросил я, когда они, переодевшись в сухую одежду, уселись в кресла общей каюты.

— Мы встретились в порту с кое-какими знающими людьми. Так вот, команды этих двух

парусников действительно состоят из вампиров и принадлежат Верховному Магистрату. Верховный Магистрат — это совет старейшин. Они следят за выполнением законов, за секретностью, разбирают тяжбы и тому подобное. Говорят, что в него входят вампиры, которым тысяча лет от роду, — сказал Тъери.

— Да, и встреча с Магистратом никогда не сулила ничего хорошего. Те, кому присылают приглашение на совет, редко возвращаются живыми, — добавил Тибо.

— Могу вас обрадовать — вот это приглашение, — сказал я и протянул конверт.

— Вот дьявол! — Тибальд вскочил на ноги. — Не нужно было задерживаться в Малаге.

— Это не имеет никакого значения. Мы получили бы приглашение в любом случае. Раз Магистры решили с нами встретиться, значит, они сделают это, хотим мы того или нет. Вопрос в другом. Что им понадобилось от нас? — сказал Тъери. — Я слышал, что старейшины требуют выплаты каких-то налогов. Мы же не внесли в их казну ни одного су. Может, они узнали о наших доходах и потребуют дележа?

— Я не знал о существовании Верховного Магистрата, — я беспокойно ходил по каюте, гадая, чем может грозить нам это приглашение.

— Это не и удивительно, вы были одержимы,

и вас мало беспокоило что-то помимо вашей цели. Но мы о них знали. Это могущественные правители, они следят за жизнью вампиров и за соблюдением законов. Не следует раздражать их, это может плохо кончиться.

— В таком случае, мы пойдем на эту встречу и постараемся не только вернуться оттуда живыми, но и вынести пользу.

— Каким образом?

— Если они такие могущественные и древние, может, они знают что-нибудь о войне-аннуре и красноглазом.

Поздно ночью мы высадились на берег и вышли за пределы города. В роще, растущей сразу же за городскими стенами, нас ждали. Два внушительного вида вампира завязали нам глаза, и мы помчались со скоростью кареты, запряженной четверкой вороных. Бежать с закрытыми глазами было неудобно, но провожатые с удивительной ловкостью помогали нам не врезаться в валуны и деревья, предупреждая заранее, где следует свернуть. Чувствовался их опыт в этом деле.

Через некоторое время мы вошли под стены какого-то замка или крепости: под ногами была ровная каменная поверхность, и наши шаги отдавались гулким эхом. Нас остановили и сняли повязки. Я огляделся: мы стояли внутри старинного собора. Проводник нажал на какой-то рычаг в стене

и молча указал на узкий длинный коридор, который полого уходил вниз.

Спустившись по коридору, мы подошли к величественному portalу, который придавал этому древнему готическому строению особую торжественность. Два мрачных вампира в черных плащах и накинутах на голову капюшонах, полностью скрывавших их лица, одновременно отворили тяжелые створы. Мы вошли внутрь. Нашему взору открылся огромный круглый зал с каменным, выложенным мозаикой полом. Зал богато украшали статуи, барельефы, висячие арки, причудливая каменная резьба. Большие окна с множеством цветных разрисованных стекол почти доходили до куполообразного свода. Посредине зала, за полукруглым столом, на стульях с высокими спинками, сидели магистры. Их было четырнадцать. Они были одеты в красные шелковые мантии и белые длинные парики. Черные маски, полностью скрывали их лица.

В центре полукруга стояли три стула. Один из магистров жестом указал на них, приглашая нас сесть.

— Представьтесь.

— Виконт Мишель Тьери Ренард де Морель, — спокойно и негромко ответил я.

— Тибальд Жиром Фуше, — Тибальд встал и произнес свое имя твердым, без тени страха

голосом, а затем сел на место.

— Тъери Люсиан Ривьер, — громко и четко ответил Тъери.

— Господа, вас призвали на совет Высшего Магистрата для того, чтобы кое-что прояснить. Мы знаем, что господин де Морель является прямым потомком и наследником Тъедвальда Темного. В наш совет поступили сведения, что господин де Морель ведет поиски таинственного вампира с красными глазами и невероятными способностями. Мы также знаем, что господин де Морель потерял семью и имущество вследствие его столкновения с этим таинственным и неуловимым врагом, — говоривший это, сидел в центре. Его голос звучал громовым раскатом под высокими сводами зала.

— Господин де Морель, что вам удалось выяснить о своем враге за столь долгий срок? Как продвигаются ваши поиски? — спросил другой. Его голос был сухой, негромкий и скрипучий. Казалось, что слова выскакивают из горла говорившего и рассыпаются по каменному полу сухим горохом. Его фигура была высока и худа до чрезвычайности. Голова, тонула в пышном парике, а маска, скрывавшая лицо, едва удерживалась на нем. Тонкие руки, затянутые в красные атласные перчатки безвольно лежали на столе.

— Почти ничего, господин Магистр. Только то, что он бывал когда-то в Арабских странах, его

там запомнили по жестокости и неуважению к законам. Я побывал во всех странах, известных мне, но больше нигде и никто не слышал о нем.

— Что вы знаете об истории вампиров? — спросил другой магистр.

— К сожалению, я не изучал этот вопрос и поэтому, кроме того что вампиры существуют на земле с незапамятных времен, мне ничего неизвестно.

— Истории вампиров тысячи лет. В нашей библиотеке есть манускрипты, которым более четырех тысяч лет. Нам бы хотелось, чтобы вы ознакомились с кое-какими документами, господа, — сказал другой Магистр.

— Простите, но как это связано с моими поисками? Красноглазый является моим личным врагом и мне не совсем понятен интерес столь высокого собрания к этому делу.

— Когда вы прочтете документы, вы поймете, господин де Морель.

— Вас проводят в библиотеку. Там будут предоставлены все бумаги, которые вас могут заинтересовать.

— Простите, не могли бы вы отпустить одного из нас для того, чтобы он вернулся на корабль. Дело в том, что там осталось животное — пантера. За кораблем и за ней нужен присмотр.

— Не беспокойтесь — корабль взят под

охрану и с ним ничего не случится, а ваша пантера сидит у входа в крепость. Я думаю, она не уйдет отсюда без вас.

Нас долго вели по какому-то лабиринту. Его узкие и низкие переходы переплетались, сходились в небольших залах и помещениях, поднимались и вновь спускались вниз. Порой до нас доносились гулкие голоса и какие-то звуки, но в основном стояла полная тишина, нарушаемая только нашими шагами. Провожатый — высокий, закутанный в черную мантию вампир был молчалив. Он шел впереди, не оглядываясь и не заботясь о том, что творится за его спиной.

Наконец мы подошли к одной из дверей. Вампир открыл ее и, пропустил нас вперед, когда мы вошли за нашими спинами щелкнул замок. Мы оказались в темном подземелье, посередине небольшого помещения стоял стол и три стула. На столе лежала груда манускриптов и книг.

— Уютно, ничего не скажешь, — прошептал Тъери.

— Как вы думаете, нас отпустят? — спросил Тибо.

— Отпустить-то отпустят, но вот когда и зачем? — ответил я.

— Почему зачем? — воскликнул Тибо.

— Им что-то нужно от нас. Мы должны будем выполнить какое-то задание. Это ясно как божий

день! Тибальд, вы заметили, как они были вежливы? Даже нас с вами называли господами. Это неспроста, — ответил Тъери.

— Давайте поспешим, нужно быстрее уйти отсюда. Я беспокоюсь об Ише. Я не слышал его, когда нас вели с завязанными глазами. Магистр сказал, что Иша сидит у входа, это может быть опасно для него.

Первым документом, который мы прочли, был вердикт о том, что на землях, включающих в себя территории современных Испании, Италии, Англии, Германии и Франции был создан Единый Совет и Верховный Магистрат, который следил за соблюдением законов вампирами. В него входили десять верховных судей и четверо из единого совета — старейшины, живущие более трех тысяч лет.

Мы с изумлением переглянулись:

— Магистрат существует еще с до-Христовых времен! Невероятно! — прошептал я.

Следующими документами, говорящими о древнем существовании вампиров, были записи рыцаря «Черного алтаря», который по заданию Магистрата изучал древние кланы вампиров и собирал все известные упоминания о них с самых незапамятных времен. Этот рыцарь был одним из первых посвященных. Он погиб при невыясненных обстоятельствах еще в первом веке нашей эры.

Записи рыцаря говорили о тех обрядах, которые проводили первобытные племена при погребении и защите себя и своих жилищ. Все это указывало на то, что люди с начала времен знали о существовании вампиров. Он изучал историю диких племен, их легенды и предания, в которых находил устные сведения о древнейших кланах вампиров. Так как письменности в то время не существовало, то, разумеется, никаких других источников рыцарь найти не мог.

Далее говорилось о вампирах, живущих во времена до потопных цивилизаций Индии, Египта, Греции, Рима, Шумеров и так далее. Из его исследований становилось ясно, что вампиры не только жили среди людей, но входили в высшие слои власти. Обладая большими способностями, чем человек, вампиры становились советниками и верховными жрецами. Они имели реальную власть в человеческом мире.

Но в таком тесном контакте с людьми вампирам не удалось долго держать свою сущность в секрете, и между ними произошла война. Документы, доказывающие это, хранились в тайных сокровищницах Египта, Индии и древних храмах Востока.

Именно к этим временам относятся сведения о том, что вампиры тогда были очень близки к осуществлению своих заветных планов: завоеванию

мира и подчинению человечества своей власти. Но по непонятным причинам этому замыслу не суждено было осуществиться. На сторону людей встали какие-то могущественные и таинственные силы. Вампиры были почти полностью истреблены, а их остатки рассеялись и больше никогда не приобретали значительной реальной силы.

Впоследствии небольшие кланы вампиров сгруппировались вокруг Патриархов — древнейших вампиров, образуя сообщества, которые контролировали поделенные между собой территории. Из документов было видно, что Магистраты по непонятным причинам не позволяли разрастаться вампирским родам.

Держа вампирские общины в своем подчинении, Верховный Магистрат создавал специальные отряды рыцарей-чистильщиков. Они должны были не только наказывать нарушителей, но и уничтожать разросшиеся кланы.

Начиная с двенадцатого века, на территории, подчиненной Магистрату, было уничтожено более десяти тысяч вампиров. Но, несмотря на все усилия, известия об их существовании все же продолжают будоражить людей. Многие случаи происходят из-за того, что зомби, младшая ветвь вампирского рода, не умеет себя контролировать. Впадая при дневном свете в состояние, похожее на смерть, они оживают ночью и выходят из убежищ, продолжая

нападать на людей.

Зомби, настоящие, а не те, которых создал когда-то Лорд, это вампиры, перенесшие расчленение несколько раз за короткий срок или же когда их тела долго не могли восстановиться. В таком случае разум вампира уже не может стать полноценным, и он превращается в неуправляемого полумертвеца.

Люди также часто смешивают два таких разных понятия как вампиризм и черная магия, полагая, что вампиры — это души умерших неправильной смертью людей или оживленные с помощью колдовства мертвецы.

Рыцари-чистильщики стараются не допускать нарушений, но контролировать ситуацию становится все сложнее. Вампиры вновь начинают приобретать могущество. Их становится все больше, и они начинают борьбу за раздел территорий. Дело дошло до того, что Святая Инквизиция под видом борьбы с ересью и колдовством, на самом деле начала борьбу с вампирами.

Многие монахи, после шести лет непрерывного послушания в монастырях, получали отпуск на один год и уходили на свободную охоту за вампирами.

— Да, невесело, — проговорил Тьери. — Но причем здесь мы? От нас-то они чего хотят?

— А вот чего. Смотрите, — я показал документ, который читал в это время.

Это был отчет одного из рыцарей-охотников, так называемых «Черных Коршунов». Это были рыцари, которые охотились за слишком свободолюбивыми вождями вампирских кланов, особо опасными отступниками и предателями. В этот очень малочисленный отряд входили только самые преданные и достойные вампиры, которым исполнилось не меньше ста лет и которые проявили себя на службе Магистрата.

В отчете говорилось о случае, произошедшем в десятом веке на территории Франции. «Черный Коршун» проверял донос одного вампира, охотившегося в провинции Нормандия. Тот видел необычного вампира: красноглазого и очень быстрого. Красноглазый несколько раз возвращался к замку местного феодала Тьедвальда Темного. Тогда вампиров во Франции было очень немного, и каждый должен был сообщать о необычных случаях в Магистрат.

Рыцарь провел немало времени, выслеживая красноглазого, и добился своего — встретился с ним. Он даже успел отправить отчет об этой встрече, но вскоре исчез и больше его никто и никогда не видел.

— Они знают о наших поисках. Это устраивает Магистрат. Они хотят обязать нас

сослужить им службу: мы находим красноглазого и не убиваем его, а приводим на Верховный Суд, — проговорил Тъери, прочитав документ.

— Вам не показалось, что они что-то утаивают? Здесь просто небольшое отступление в прошлое, чтобы показать свою древность и могущество. Небольшой фрагмент из сведений о красноглазом, только чтобы заинтересовать нас, но всех документов нам не дали. Если так важно, чтобы мы согласились на поиски красноглазого для них, зачем что-то утаивать? — спросил я. — Вся эта демонстрация власти и таинственности, к чему она? Могли бы и наверху дать нам документы.

— Простые вампиры — лишь пешки в их играх. Они считают, что достаточно приказать и все должны подчиняться их воле. Они указывают, что их интересует, вот и все. Им важно найти убийцу служившего им рыцаря. То, что он погиб у стен вашего замка, является достаточным предлогом для того, чтобы дать это задание нам. Сами они ничего за столь долгий срок выяснить не смогли. Вы горите яростным желанием поквитаться с красноглазым за гибель вашего рода, значит, кровно заинтересованы в его поисках. Где же Магистрат найдет лучшего исполнителя? — ответил Тибальд. — А все остальное — предупреждение, дескать, не смейте ослушаться: вон мы какие могущественные!

Я постучал в дверь. Ее сразу же открыли и препроводили нас обратно в зал. Магистры сидели за столом в полном молчании. Казалось, что они даже не пошевелились за время нашего отсутствия. Когда мы встали в центре, поднялся сидевший с левого края Магистр и торжественно произнес:

— Надеюсь, господа, вы поняли, какая древняя, и могущественная сила стоит на службе Верховного Магистрата. Какая великая честь вам выпала: сослужить службу Единому Совету. Решением Единого Совета и Верховного Магистрата господин Мишель Тьерри Ренард де Морель принимается на службу, и ему присваивается сан рыцаря «Черного Коршуна». Господин Тибальд Жиром Фуше возводится в рыцари «Черного Алтаря» и ему присваивается дворянское звание — шевалье. Господин Тьерри Люсиан Ревьер — также возводится в сан рыцаря «Черного Алтаря» и получает дворянское звание шевалье.

— Я благодарю Единый Совет и Верховный Магистрат за высокую оценку моих скромных возможностей, — поклонился я, — но вынужден отказаться от такой великой чести, так как не чувствую в себе призвания к столь почетной службе. Звание «Черного Коршуна» обязывает к неукоснительному подчинению приказам Верховного Магистрата, а это не входит в мои

планы. Но я обещаю Единому Совету и Верховному Магистрату, что извещу их, если мне станут известны какие-либо обстоятельства гибели рыцаря «Черного Коршуна».

— Верховный Магистрат и Единый Совет, я не достоин столь великой чести, которую вы оказали мне. С глубоким почтением и уважением я отношусь к решениям высокого собрания, но и я вынужден отказаться от этой почетной службы, так как обет, данный мною много лет назад, обязывает меня следовать за господином де Морелем до конца моих дней, — произнес Тибальд, когда древние вампиры перевели на него свои взгляды.

Ответ Тъери не вызывал сомнений и его выслушали скорее по необходимости.

— Надеюсь, что Верховный Магистрат и Единый совет с пониманием отнесется к нашему решению самостоятельно отыскать убийцу рода де Морелей. Обеты, которые, я уверен, высокое собрание чтит не меньше чем клятвы своих рыцарей, не позволяют нам свернуть с нашего пути. Я с великим почтением отношусь к решением Магистрата, но так же вынужден отклонить ваше предложение.

Магистры не произнесли больше ни слова. Дверь, через которую мы вошли в этот зал, запахнулась и вампир, сидевший в центре стола, вяло взмахнул рукой, отпуская нас.

Когда мы уже были у выхода, я обернулся.

— Могу я задать вопрос?

— Да, — проскрипел один из древних.

— Я слышал об Аусе и воинах-аннурах. Кто они такие?

— Откуда вам известно об этих воинах? Их не существует уже несколько тысячелетий. Только в очень давних преданиях, записанных по устным сказаниям Древних и хранящихся в недоступных тайниках, о них есть всего несколько слов.

— Я слышал только одно название, но ничего не могу сказать о самих воинах. Поэтому и решился спросить.

— Когда-то существовали Силы Света, которые вели с вампирами непрерывные войны. И аннуры были их главными воинами. Они истребили все самые древние и сильные вампирские кланы, которые стремились установить свой порядок на земле. Но после разгрома вампиров они исчезли, и больше никто и никогда не слышал о них, — магистр снова взмахнул рукой, показывая, что аудиенция окончена.

Я поклонился, и мы вышли из зала.

Как только за нами закрылась дверь, нам сразу же завязали глаза и опять повели по бесконечным переходам. Наконец, я почувствовал дуновение свежего воздуха. Почва под ногами стала неровной, послышалось пение птиц и шелест ветра в листве,

откуда-то справа доносился шум реки.

Провожатые указывали дорогу, и мы продвигались довольно быстро. Я позвал Ишу, но он не ответил. Это обеспокоило меня. Волнуясь за Ишу, я непрерывно звал его и перестал следить за дорогой и происходящим вокруг. Неожиданно я понял, что остался один. И в тот же миг я почувствовал его — запах крови и смерти! Ненавистный запах, который неотступно преследовал меня! Я помнил его, я искал его все эти долгие годы! Я рванул повязку с глаз, но крепкая рука удержала ее на месте.

— Мишель, привет тебе, мой юный друг! Я скучал. А ты? — пропел знакомый голос. И мерзкий тихий смех красноглазого холодной змеей сжал сердце.

В то же мгновение я почувствовал, как мое тело рвется на части. Я чувствовал, как лопаются мои жилы и ломаются кости. Я слышал треск разрываемой плоти. Боли не было, в обычном человеческом понимании, было осознание того, что части моего тела отделяются друг от друга и разум постепенно ускользает во мрак. Как будто гаснут свечи в темном помещении, одна за другой, и все погружается в непроглядную и жуткую тьму. Лишь одна свеча еще озаряла мое сознание. В почти бессознательном состоянии я почувствовал, как с моих глаз сорвали повязку, и я полетел в бездонную

пропасть. Краешком оставшегося рассудка я чувствовал, как мое растерзанное тело бьется об острые камни, как оно упало на дно реки, и я видел сквозь воду далекое небо. Но мои мысли были такими слабыми и обрывочными, что не могли привести к какому-нибудь действию остатки растерзанного тела. Я лежал беспомощный и неподвижный...

... Черная тень заслонила небо, и мое тело вытащили на сушу. Сознание начало постепенно восполняться, как будто свечи разума вновь зажигались одна за другой. Я чувствовал, как восстанавливается туловище и сила заново пробуждается во мне. Тело дрожало, наполняясь ощущением подвижности в суставах и мышцах. Вскоре я смог сесть. Рядом со мной кружил Иша. Он заглянул в мои глаза, рыкнул и лизнул в нос. Я устало положил руку на его голову. Я знал, что мои силы вернуться через некоторое время, но также знал, что чем дольше тело вампира не будет соединено вновь, тем труднее будет восстановить все его функции. Тем больше опасность превращения вампира в безмозглого зомби. Поэтому я, преодолевая усталость и онемение, встал. Где-то там, в этом глухом месте, лежали растерзанные тела моих товарищей. Я должен им помочь. Иша, рыкнув, вытащил из кустов полузадушенную козу. Я припал к ее горлу.

Горячая кровь помогла восстановить силы.

Первым я нашел Тибальда. Часть его тела головой вниз висела над пропастью, зацепившись за каменный выступ. Иша помог собрать остальные останки, разбросанные на большом расстоянии. Оставив Тибальда восстанавливаться, мы с Ишей поспешили на помощь Тъери. Его тело было довольно далеко. Течением отнесло его руку, и мне пришлось долго искать ее на дне. Но вот и он собран по кусочкам.

Иша позаботился и о Тъери с Тибальдом: в кустах лежали припасенные для них козы. Мы сидели на дне узкого глубокого ущелья у берега реки и долго молчали. Красноглазый вновь показал нам на что способен.

Глава 2

— Нужно подняться наверх и найти место, где он напал на меня, — проговорил я хриплым голосом.

— Зачем? — спросил Тибо.

— Может, остались какие-нибудь следы, или еще что-то.

Мы поднялись наверх по отвесной скале. Наши силы полностью восстановились. Иша успел вовремя, и мы недолго были расчлененными. Но нами еще владело чувство подавленности и

растерянности. Я искал встречи с красноглазым и считал себя способным вступить с ним бой. Но все получилось не так. Я оказался неподготовленным: слабым и неумелым. То же чувствовали и мои товарищи.

Мы прошли вдоль всего обрыва в ущелье, но ничего не нашли. Удрученные и унылые вернулись в порт. «Санта Диана» покачивалась на волнах, маня нас уютом, спокойствием и безопасностью.

Мы поднялись на борт, поставили паруса и вышли в море, взяв курс на Грецию.

— Смотрите, — Тъери вышел из общей каюты. В его руках была какая-то записка. Он подал ее мне.

На листе было написано:

Когда заря, припав к земле,
Ее кровавым молоком накормит,
Иль день, весельем напоен,
В красе невесты молодой,
Пир свадебный играть затеет,
Или когда старушка ночь
Укроет мир печальным вдовьим платом,
Ты помни обо мне, о том, что я приду
И черной краской смерти все покрою.
Лишь шанс один могу тебе я дать:
Продумай все, старайся все понять.
Учись, борись, не дай себя поймать;

Ищи причину, не уставая, день и ночь,
Гони сомненья и усталость прочь;
И может быть, когда ты силу обретешь,
И ненависти тьму ты с глаз своих сотрешь,
Наукой мудрецов наполнишь сердца пустоту,
К тебе тогда, как равный, я приду.
И пусть судьба решит наш вечный спор
И огласит свой мудрый приговор.

— Поэт, черт его дерит, — проворчал Тибальд.

— Ничего не понимаю! Он издевается, смеется надо мной. Ну, вот что это? Ни дать ни взять отеческое наставление, — я схватился за голову. — Уничтожил мою семью, меня отправил в изгнание на сотню лет! Теперь вот это: подкрался, растерзал наши тела, разбросал кусками на сотни футов и после всего этого такая забота: учись, борись! Это черт знает что такое!

— Все верно. Но не будем забывать, что при всем этом он не сжег нас, а оставил в живых. Он также не тронул Ишу, а ведь, бьюсь об заклад, мог убить его, — сказал Тъери.

— И что из всего этого следует? — спросил Тибо.

— Нужно спешить в Грецию, — бросил я раздраженно и ушел в каюту.

Я лежал на койке, вновь и вновь перечитывая послание. Что Красноглазый хотел мне сказать?

Почему он так поступил с нами? Пока я знал только то, что нужен ему живой. Было ли ему просто скучно, и он играл, заставляя меня чувствовать свою беспомощность, или он преследует какую-то другую цель? Не знаю, но я должен это узнать! Должен!

Глава 3

Греция встретила нас весенним цветением оливковых рощ. Ласковое солнце пригревало землю, птицы пели, люди радовались жизни.

Не имея возможности выйти в Афины днем, мы сошли на берег с наступлением сумерек. Ночной бриз был полон ароматов весенних цветов. Запоздалые прохожие неспешно покидали улицы. Мы направились к Акрополю. Поднявшись к Пропилеям, я сел на ступени под мраморной колонной.

— Какой смысл бродить по городу или музеям? — спросил я недовольно. — Мы не знаем, где искать этот храм Деметры. Их в Греции тысячи.

— Наденьте перстень, — Тьери присел рядом, — он пропуск, как сказано в манускрипте. Для этого он и предназначен. Я думаю, настало время носить его не снимая. Помните изречение на ларце: «Свой талисман открыто носи — помощь придет и укажет пути»?

Почти всю ночь мы бродили по развалинам Акрополя и только к утру вернулись на корабль.

Каждый вечер мы кружили по темным улицам Афин. Прошла неделя, а мы никого не нашли.

— Сегодня последний вечер, который мы проведем здесь. Завтра отправляемся на острова, сами будем разыскивать заброшенные храмы.

Гуляя по улицам, мы забрели на древнее кладбище. От него почти ничего не осталось. Только несколько гробниц и памятников указывали на то, что здесь находится последнее пристанище горожан. Дома, расположенные рядом, и высокий кустарник скрывали его от невнимательного взгляда.

Я остановился у небольшого каменного постамента, когда почувствовал, что рядом находится человек. Оглянувшись вокруг, я заметил странную фигуру. Незнакомец склонился в низком поклоне и, прижав руки к груди, шептал защитные молитвы.

— Что тебе нужно? — спросил его Тьерри.

— Господин, не убивайте меня. Я пришел, чтобы проводить вас к жрице храма Деметры, — высокий звонкий голос выдавал его юный возраст.

— Тебя никто не тронет, не волнуйся. Веди нас в своей жрице, — сказал я.

Мы шли по пустынным, заснувшим улицам Афин, утопавшим в аромате цветущих

апельсиновых деревьев и лавровых кустов. Человеческий запах доставлял мучения, накатывая минутными приступами злобы. Я видел, как судорожно сжимают кулаки Тъери и Тибальд, остановив дыхание. Я тоже не дышал, но это мало помогало: идущий впереди мальчик, вызывал приливы жажды одним своим видом. К счастью, вскоре в одном из проулков мы увидели ждущего нас вампира. Быстрые движения и особый вид выдали его сущность.

Он поклонился:

— Меня зовут Фидий, жрица ждет вас, — он повел рукой, указывая направление.

Дальше мы двигались с привычной для нас скоростью. Иша бежал рядом со мной и наш провожатый то и дело удивленно поглядывал в его сторону.

Мы вышли к окраинам Афин.

— Куда ты ведешь нас? — спросил я.

— На запад, в Фессалию, к Олимпу.

— Тибальд, возвращайтесь с Ишей на «Санта Диану». Если мы не вернемся через два дня, пойдешь на наши поиски.

— Будет сделано. Иша, пошли, дружище. Удачи вам, будьте осторожны, — Тибо помахал рукой и повернул назад.

Но Иша подбежал и ткнулся мордой в мои руки.

— Ничего, малыш, ступай. Я скоро вернусь.

Иша сел у моих ног и не двинулся с места.

— Иша, ты должен идти с Тибальдом, давай, дружок, не упрямясь, — я подтолкнул его к Тибо, но Иша только оскалился.

— Ничего, пусть идет с вами. Кто знает, на какой срок вы уходите? Ему будет удобней на свободе, чем на судне, — проговорил Тибо и исчез в ночной темноте.

Отроги гор осветились первыми лучами солнца, когда мы вошли темное узкое ущелье между двух отвесных скал.

— Смотрите! — воскликнул Тьери и показал на одну из них.

— А... да... это один из христианских монастырей, — сказал Фидий, — здесь несколько таких старинных обителей. Монахи построили их на неприступных скалах по древнему обычаю эллинов.

— Эллинов?

— Первые тайные храмы были построены еще древними эллинами, в честь своих богов. В них служили настоящие жрецы. Они не желали превращать мистерии в театральные зрелища, потому что знали истину.

— Какую истину, Фидий?

— Скоро вы все узнаете. Носитель древнего знака должен знать истину. Первым христианским

отшельником, жившим здесь, люди считают Варнаву. Он, действительно, жил здесь с 950 года. Но он не был первым. И до его прихода в пещерах этих скал жили отшельники. Это были настоящие затворники и молитвенники. Они многое знали и понимали «настоящее».

— Что значит «настоящее»?

— То, чего не знают другие.

Мы подошли к горе. От ее подножия, заросшего густым лесом, начинался почти отвесный подъем. Я подхватил Ишу и вскинул на плечи. Мы стали взбираться по крутому склону.

Скалы, изрезанные глубокими трещинами, и заросшие скудной травой, все больше освещались поднимавшимся солнцем. Нужно было торопиться. За очередным выступом, рассеченным глубокой узкой расщелиной, показался вход в пещеру. Людям никогда не пришло бы в голову, что в этом пустынном и совершенно неприступном месте может находиться чье-то жилье. Только тому, кто по-настоящему желал быть скрытым от любопытных глаз, пришлось бы по душе это потаенное место. Глубокое ущелье, крутые, почти отвесные скалы, безлюдные места — все служило препятствием для нежеланных гостей.

Перед пещерой была высечена едва заметная узкая площадка. Мы поднялись на крохотный выступ и заглянули внутрь. Пещера была глубокой

и темной, внутри нее кто-то стоял. Я пристально вглядывался в необычного отшельника. Я подумал, что уже где-то видел подобное. В моей памяти всплыл образ, и я вспомнил свое видение на алтаре Жаклин. Более ста лет назад я видел эту пещеру и того, кто находился внутри.

— Приветствую тебя, наследник, входи, — прозвучал из глубины женский голос.

Мы вошли в прохладную тень подземного храма в тот момент, когда первый солнечный луч осветил скалы. Пристанище отшельницы было неожиданно большим. Его украшали искусная роспись, старинные вазы и статуэтки, стоявшие в вырубленных нишах. Вдоль стен располагались узкие длинные скамьи. Посредине находился алтарь в виде круглого колодца. В дальней стороне зала, напротив друг друга, были еще два входа, закрытые красивыми занавесями.

У алтаря стояла высокая стройная женщина. Ее прямой стан и высоко поднятая голова говорили о твердом гордом нраве. Черные густые волосы, короной уложенные на голове, украшала золотая диадема в виде лаврового венка. Жрица была одета в белое платье, свободно спадавшее многочисленными складками с ее фигуры, и хитон с широкой красной полосой, украшенной старинной греческой вышивкой.

— Я Элласхида, жрица богини Деметры.

— Мишель де Морель, — поклонился я ей, — а это мой друг Тьери Ривьер и Иша, мой леопард.

— Входите, вы долгожданные гости в моем храме, — Элласхида указала рукой на скамью, приглашая сесть.

— Могу я задать вам вопрос, госпожа Элласхида? — спросил я почтительно.

— Разумеется, Мишель, но прошу тебя, не обращай ко мне на вы, это не принято в кругу храмовников. Для тебя я Элласхида — твоя наставница в поисках истины. Тебе предстоит надолго задержаться здесь. Кроме меня у тебя будет еще один наставник, но он присоединится к нам позже. Так что ты хотел спросить? — она неспешно прошла к скамье и села рядом со мной.

— Скажи, Элласхида, что означает этот перстень? Почему он является пропуском? Что я должен узнать в твоём храме и для чего это мне? Я мало что знаю обо всем этом. Но у меня есть цель, к которой я стремлюсь, и мне не хотелось бы впустую терять время, изучая древние предания.

— Я понимаю твое нетерпение, Мишель. Ты молод и горяч, но тебе пришлось многое пережить и поэтому не терпится расквитаться со своим противником. Однако дело в том, что тебе не одолеть его без знаний, которые сможешь получить только здесь.

Элласхида протянула руку и положила ее на

голову Иши. Ее тонкие длинные пальцы утонули в его черном мехе. Она пропустила шелковистую блестящую шерсть сквозь пальцы. Иша зажмурился от удовольствия. Я с удивлением наблюдал за ними. До сих пор никто, даже мои друзья, не могли безбоязненно прикоснуться к Ише. Он никому кроме меня не позволял этого.

— Твой перстень означает, что ты по праву родства и своих природных качеств принадлежишь к древнейшему на земле ордену «Черного Дракона». Этот орден был основан еще до начала времен. Тогда, когда люди только начинали постигать божественные законы бытия. В то время на земле было мало людей, но было много божественной силы, и люди могли ею пользоваться, потому что их разум не был замутнен, а был чист и открыт для знаний вселенной.

— По праву родства? Что это значит?

— Твои предки, Мишель, ведут свою родословную многие тысячи лет. В твоей крови есть частицы чистейшей первородной энергии. На земле осталось мало людей с таким свойством крови, и на них ведется охота. Кто их преследует и почему, ты узнаешь в свое время.

— У меня есть родственники, и на них ведется охота?! — воскликнул я взволнованно. — Мне нужно встретиться с ними!

— Это нельзя назвать кровным родством в

прямом смысле. У вас одинаковые свойства крови — это объединяет вас.

— И ты узнала это только потому, что у меня на пальце перстень? Но его мог бы носить любой человек. Это же просто кольцо?!

— Дай перстень своему другу, Мишель.

Я снял кольцо и протянул Тъери. Он надел его. Сначала ничего не происходило, но потом перстень постепенно начал темнеть, а кровавые глаза дракона, горевшие до этого красным огнем, ярко выделяясь на потемневшем золоте, потускнели и стали похожи на простой камень.

— Вот видишь? В сплав золота, из которого отлито кольцо, добавлено вещество, которое указывает на чистоту крови. Перстень может носить любой человек, но светлым он будет только на пальце хозяина, — Элласхида улыбнулась. — Мишель, расскажи мне о своей жизни. Все, что ты помнишь, с самого раннего детства. Это не простое любопытство. Мне необходимо, чтобы ты сам рассказал о своей жизни. Так я пойму с чего начать наши занятия.

Я вздохнул и задумался. Мне не очень хотелось ворошить прошлое, но если я хотел чему-то научиться, то нужно было подчиниться. И я рассказал Элласхиде всю свою жизнь с первых моментов, которые мог вспомнить.

Когда наступил следующий вечер, я проводил

Тъери к подножию горы и попрощался с ним. Кажется, мне и в самом деле было необходимо задержаться в этом храме. Слишком много вопросов было у меня к Элласхиде.

Я вернулся к пещере. Жрица сидела у входа и смотрела на звезды. Черное небо было бездонным. Звезды полыхали на нем, подмигивая и переливаясь, словно живые.

— Скажи, Мишель, что ты знаешь о Боге? — спросила Элласхида тихим голосом.

Меня озадачил ее вопрос. Когда-то я был убежден, что Господь существует и мы все подвластны его воле. Но сейчас я просто не вспоминал о нем. Он перестал что-то значить для меня. Уже сто лет, как я не чувствовал его присутствия в своей жизни и не слишком радел в служении ему.

— Я знаю о нем только то, чему учат церковники, но не чувствую в себе его воли, и не думаю, что ваша вера лучше моей.

— Ты имеешь в виду многобожие, принятое в древней Греции? Я спрашиваю не об этом. Мне интересно знать, что ты сам знаешь и думаешь о Боге.

— Я никогда не задумывался над этим.

Я сел у стены и прислонился к ней спиной. Иша прилег рядом и положил голову мне на колени. Тихий ветерок едва шевелил воздух. Было

тепло, тихо и спокойно. У меня возникло давно забытое чувство облегчения и расслабленности, как будто я был дома, в полной безопасности. Годы поисков, ненависти и забот, давившие на плечи тяжелым грузом, растворились в мирной тишине, и мне стало так легко и хорошо, что я удивился, наслаждаясь этим открытием.

Элласхида не прерывала молчания, словно почувствовав мое настроение. Мы сидели и смотрели на звезды, слушали мелодию тишины.

Утром, когда солнечные лучи пробились сквозь дымку тумана, мы спрятались в тени пещеры.

— И что ты думаешь о Боге? — повторила свой вопрос Элласхида так, словно мы не просидели, не сказав ни слова, всю ночь, а я замолчал лишь минуту назад.

— Если честно, то я ничего не думаю о нем. Конечно, если бы я сказал это где-нибудь у себя во Франции или, скажем, в Испании, то меня немедленно сожгли бы на костре. Но я и в самом деле не знаю, что тебе ответить. Раньше для меня Бог представлялся таким стариком, сидящим на троне и следящим за делами людей. А рядом с ним Ангелы записывают человеческие грехи в книге жизни для судного дня. Он может наказывать людей или миловать их. Может отнять жизнь или подарить ее. Но сейчас я не знаю, кто он такой.

Иисус ли, пришедший на землю, старик ли, сидящий на небесах, дух ли, присутствующий во всем, или его вовсе нет. Потому что, если он есть, то мне не понятна его жестокость по отношению к людям.

— Многие ученые мужи ломали головы над этим вопросом, — тихо произнесла Элласхида. — Некоторые даже отдали жизнь за веру в Бога. Они шли на смерть с несокрушимой верой в его любовь ко всему живущему на земле. Но есть люди, которые уверенно отрицают Его существование. И есть те, кто верит в Него, но намеренно становится слугой Его врага. Ты бывал во многих странах мира, скажи, ты видел хотя бы одну страну или народ, у которого не было бы Бога?

— Нет.

— Подумай, может ли быть такое, что люди просто выдумали себе Богов, переложив на них ответственность за свою жизнь?

Я помолчал.

— Это возможно, я по себе знаю, что так легче. Когда найдется, кого обвинить в своих несчастьях или переложить на него свои промахи, то можно не напрягаться: если что-то и происходит, то все это случается по воле Господа. Раз веришь, что существуют силы, которым ты можешь довериться, то тогда в любом случае ты не один. Ежели существует кто-то там, наверху, кто

присмотрит, уберезет в случае чего, или есть к кому обратиться в горе и выплакать свои беды и обиды, то так легче живется. Многие прибегают к святым, прося их помощи и защиты. Да, я думаю, ты права. Люди молятся и в молитвах открывают сердца. Выговорившись, многие находят утешение, а возможно, и решение проблем. Ведь невидимому святому можно доверить все самое сокровенное.

— В таком случае, выходит, Бога нет? Люди придумали его для того, чтобы облегчить себе жизнь?

— Я не знаю. Я не могу ответить тебе вот так сразу. Я давно не обращался к нему за помощью и чаще всего даже не думал о нем. Но я не могу отречься от него, потому, что тогда я чувствую пугающую пустоту в своем сердце.

— Значит, ты признаешь, что существует некая сила, которая наполняет тебя живительной силой? Если ты отрицаешь Бога, то чувствуешь одиночество и беспокойство. Но если ты признаешь Его, даже не молясь, просто признаешь, то тогда тебе становится намного легче.

Я задумался. К чему она ведет? Но она была близка к истине.

— Да, ты права. Когда я на минуту подумал, что Его нет, мне стало не по себе.

— Существуют люди, которые полностью отрицают существование Божественной силы. Как

правило, это закоренелые преступники или слишком свободолюбивые или ленивые люди. Первым отрицание Бога, в любом его проявлении, дает возможность творить зло: нет Бога — нет наказания за преступления. Другим не хватает доказательств его существования — им необходимы чудеса для подтверждения. Третьим вера в Бога принесла бы слишком много хлопот: походы в церковь, посты, молитвенные бдения. Но все эти люди слепы. Подтверждений достаточно в каждом миге земной жизни.

— Я не понимаю, зачем ты начала этот разговор. Если ты доказываешь мне, что Бог есть, то напрасно теряешь время. Я уже сказал, что не ставлю под сомнение его существование.

— Имей терпение, Мишель. Ты знаешь о многих религиях. Скажи, что их объединяет?

Я долго думал над ее вопросом. Она не торопила меня. Просто сидела и смотрела на небо, казавшееся особенно синим в проеме пещеры.

— У всех религий свои особенности. Их трудно объединить, но, пожалуй, они все призывают к милосердию, — я, наконец, решился высказать свою догадку.

Она согласно качнула головой:

— Во всех религиях, и во все времена. Даже принося кровавые жертвы, люди знали, что Боги требуют милосердия. Без милосердия не может

быть жизни. Проявляя милосердие и сострадание к любому живому существу, человек служит Богу. Вне зависимости от того, произносит он молитвы или нет. Потому что, тогда в нем живет божественная искра любви.

— Но как же злодеи, которые убивают людей? За годы своих поисков я видел столько зла, что мне трудно верить в милосердную любовь Господа.

— В мире людей нет абсолютного зла, как впрочем, и абсолютного добра. Даже совершая злодейство, человек не может все время ненавидеть, он все равно кого-то любит или ему что-то нравится. И добродетельные люди не могут любить все и всех: они все равно отвернутся от смердящего куска.

— Выходит, нужно просто что-то любить и больше ни о чем не беспокоиться: царство Божие у тебя в кармане? — я усмехнулся над простотой ее веры.

Вечером мы с Ишей ушли из пещеры и бродили до утра по лесу и горам. Я все время размышлял над словами Элласхиды.

Красноглазый — исчадие ада, он убивает без малейшего сожаления или угрызения совести, стало быть, он слуга дьявола. Но он пощадил меня и моих друзей, выходит, в нем есть та Божественная искра, о которой говорила жрица?

Я мог бы подумать, что он оставил нас в

живых только затем, чтобы потом причинить больше боли. Но его послание говорит о другом. Так какой же он на самом деле?

Утром Элласхида вновь призвала меня, и сев у входа в пещеру, спросила:

— Что ты думаешь о людях, Мишель?

Я растерялся.

— О людях?

— Да, кто они? Зачем Бог их создал?

— Когда-то одна мудрая женщина сказала, что люди нужны Богу для выполнения какой-то особой миссии. Но посмотрев, как они живут, что делают, послушав их мысли, я так не думаю. Слишком мелочны и злобны людские мысли и дела.

— А ты не думал, что люди нужны Богу, чтобы существовать самому?

— Как это?

— Ну, подумай, только разумное существо знает о Боге, рассуждает о Нем. Животные, растения и неодушевленный мир ничего о Нем не знают. Только человек с его разумом может знать о Боге. Он может думать о Нем или нет, но знать, что Он есть или Его нет. Если бы не было человека, значит, не было бы и Бога. Выходит, Ему необходимо разумное существо для собственного существования.

— Зачем Ему признание? Он сам знает, что Он есть! Если Он знает — следовательно, Он

существует.

Да, это так, но только для самого себя.

— Не совсем, у него есть Ангелы и Архангелы и еще множество других небожителей, которые славят Его. Он не одинок, — возразил я.

— И при всем этом он создает человека. Зачем?

— Не знаю, — честно признался я.

— Посмотри на этот мир, Мишель. Он материален. И человек материален. В своей нынешней земной оболочке. Может, человек нужен Богу для единения с материальным миром? Только человек имеет духовность, способную воспринять божественную сущность и привнести ее в этот грубо вещественный мир. И, следовательно, утвердить Божественное господство над материальным миром.

— А дьявол? Он ангел, низвергнутый с небес. Он не материален. Но у него слишком тяжелая душа, чтобы подняться на небеса. Он приговорен жить на этой, как ты сказала грубо вещественной земле. Значит, он и есть тот, кто утверждает на земле существование Бога. Зачем нужен человек?

— Ты сам ответил: он не материален.

— Но ведь Богу все равно, кто удостоверит его существование. Он существует на небесах. Там знают, что Он есть. Здесь есть тяжелый дух, знающий о Его существовании — все в порядке!

Зачем человек? Зачем такая жестокость? Человек корчится в муках сомнений, это больно. Если бы человек не знал о Боге, то был бы просто животным. Ел бы, спал, как обезьяна. Но Бог пожелал дать ему знание, то есть разум, и наступил крах! — я взволнованно ходил по пещере.

— В христианстве это называется первородным грехом — жажда познания. Человек вышел из повиновения. Его наказали и выгнали из Эдема, — сказала Элласхида, внимательно следя за мной.

— Я знаю, но не понимаю, о чем думал Бог! Если ему заранее было все известно, то почему он это допустил?

— Потому что Он любит человека и считает верхом всего, что сотворил.

Я удивленно замер на месте.

— Любит?! Это называется любовью?

— Конечно.

— Объясни.

— Ну, вот ты, если ты любишь человека, то, что ты считаешь благом для него?

Я задумался.

— Счастье.

— А что это такое — счастье?

Я помолчал.

— Наверное, когда у человека есть все, о чем он мечтает.

— То есть несметные богатства? Но история утверждает обратное: многие цари имели все, что только могли желать, но были при этом несчастны. А Диоген жил в бочке и утверждал, что счастлив.

— Я не об этом. Я о любви, понимании, душевном покое.

— Вот видишь — о любви. А Бог и есть любовь.

— Какая же у Него любовь, если на земле столько зла? В чем она проявляется?

— Если ты любишь человека, ты сделаешь его несчастным, навязывая свои понятия о жизни? Ну, вот не хочет он тебя любить и все. Ты сам не любишь Орианну, но не желаешь ей зла и значит, что ты делаешь?

— Я отстраняюсь от нее, порой подшучиваю. Иногда дразню в надежде, что она все поймет и перестанет питать напрасные надежды.

— Правильно! Так почему же люди не понимают Божественной любви, требуя от него решения своих проблем? Разве он должен делать всю работу за человека? Я имею в виду духовную работу. Какая в этом польза для людей? Ты даешь Орианне свободу выбора: позволяешь ей самой пережить страдания любви и излечиться. Бог делает то же самое! Человек имеет единственный, но драгоценнейший дар — свободный выбор! Люди захотели знаний и вкусили запретный плод, то есть

сделали выбор! Бог знал, что так может быть, но, любя человека, не схватил его за руку, а дал возможность самому прочувствовать всю горечь своей ошибки, то есть излечиться.

Подумай над этим, Мишель.

Все, о чем говорила Элласхида, было настоящим откровением для меня. До этого мои познания о Боге сводились лишь к запретам. О божественной любви говорилось только как о недостижимом на земле благе. Исключительно ценой невероятных усилий человек мог надеяться на милость и прощение. Но Элласхида говорит о свободной воле. О том, что Бог близок к людям, что Он не желает наказания, а только лишь понимания.

«Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его; но Я назвал вас друзьями, потому что сказал вам все, что слышал от Отца Моего», — слова Иисуса Христа доказывают это.

Несколько суток я пропадал в горах, прячась днем в глубоких расщелинах. Мне было необходимо в одиночестве подумать обо всем, что я узнал. От таких откровений на миги веяло несусветной ересью, и мне было трудно признать их правоту. Выходит, что человек виноват в тех бедах, в которые сам же и загоняет себя.

Но в таком случае получается, что и у меня был выбор сто лет назад. Как бы трудно мне не

было это признать, я понял, что это правда: у меня был выбор. Я смалодушничал и вернулся домой, это и стало причиной всех бед, преследовавших меня по сей день. Элласхида права: вся наша жизнь — это цепь выбора правильных или неправильных решений. Мне стало грустно и больно. За сто лет моего бесчувствия многое забылось, потеряло свою остроту. Но теперь все постепенно возвращалось ко мне. Возвращалась вся горечь и боль, вся ненависть к себе, за беды причиненные моим близким.

Я вернулся в храм опустошенный и подавленный. Жрица подошла и, внимательно посмотрев на меня, спросила:

— Ты винишь себя в смерти родных? Почему?

— Разве это не очевидно?

— Но неужели ты мог запретить Бруксу прийти в твой дом? Или Диане уйти в монастырь? Ты помог своим родным. Ты уберег сестру и брата от ужасной участи, а Диане скрасил дни заточения. Она умерла, зная, что ты любишь ее.

Не все в нашей власти, Мишель. Ты еще многого не знаешь. Так не стоит печалиться о том, что было вам всем предназначено. Ты должен был найти послание Тьедвальда и стать на путь, предназначенный тебе и твоим близким. Разве не об этом говорил Андре? Все, что случилось — твоя судьба, написанная задолго до твоего рождения.

Да, от человека многое зависит, но не все.

Каждый из нас не только вершитель своей судьбы, но и исполнитель Высшей воли. Было бы верхом самомнения сказать, что человек и только человек властен над своей судьбой. Или венцом самоуничтожения — что он не властен над ней. Нити судьбы каждого из нас плетутся в неземных сферах, Мишель. И как бы мы ни старались исправить уготовленное нам или избежать предназначенного — это не в нашей власти.

— Но ты говорила, что человеку дан высший дар — право выбора, в чем же здесь проявляется это право? Если нити судьбы уже сплетены, то мы, как марионетки подвешены на них.

— Ты сам сказал: право выбора! Значит, ты не марионетка, а ткач! Ткач берет в руки нить и только от его воли зависит, каким будет полотно. Каждый человек создает свою ткань и, когда настанет срок, он предоставит проделанную работу на Высший Суд. И эта доктрина принята во всех религиях мира.

Поэтому на земле есть отшельники и молитвенники, есть бездушные преступники и бескорыстные благодетели. Есть ничтожные рабы и великие завоеватели. В руках человека: жизнь на земле — станок для его полотна!

— Значит, когда человек рождается, Высшим Силам уже известно, кем он станет?

— Когда человек рождается, Высшим Силам известно, какой силой воли он обладает. Что

подвластно ему: слаб он или силен, то есть, какого цвета его нить. Но вот кем он станет — только во власти самого человека. Слабый может стать страстным молитвенником за людей, но может стать мошенником или предателем. Сильный может стать великим борцом за счастье людей или бездушным убийцей. Каждый сам выбирает свой путь и поэтому ответит на суде Всевышнего только за свои деяния. Никто и никогда не может повлиять на его решения. Даже будучи плененным и заточенным в подземелье, человек имеет возможность вершить добро или зло.

Диана, слабая и больная творила высшее добро — она изливала любовь. И она была сильнее самых сильных мужчин, потому что сила любви не имеет границ.

Элласхида поклонилась в знак того, что отпускает меня.

Мне необходимо было время, чтобы осмыслить все, что она сказала, и я вновь бродил по горам до самого рассвета.

Два года беседовала со мной Элласхида. Задавая вопросы и разъясняя непонятное, она вела меня по запутанным лабиринтам знаний. Много, что казалось мне ересью и глупым заблуждением становилось понятным и близким. Непостижимо, каким образом ей удавалось из знаний многих народов, из глубин веков и даже тысячелетий

выявить самую суть и подать ее понятным и простым языком.

Она раскрывала передо мной яркую картину поисков истины в бесконечных человеческих поколениях. Начиная с самых ранних обращений к божественной природе, вневременному началу духа, животворящему жизнь и как бы ее первому двигателю, и до современных религиозных воззрений.

Она рассказывала о тройственной ипостаси человека. Его тела — материального воплощения на земле. Души — бессмертной субстанции, нематериальной сущности, дающей начало и обуславливающей жизнь. Ее способности к ощущениям, мышлению, сознанию, чувствам и воле, противопоставляемой материальному телу. И духа — святой частицы, присущей только человеку, в которой выражена божественная природа человека.

Элласхида рассказывала об учении философов-мыслителей: Демокрите, Платоне и Аристотеле. Об их стремлении создать свою собственную философскую систему.

Об учении Пифагора и его учеников Алкимиона, Гиппаса, Менестора, Гиппона, утверждавших, что и у животных есть душа, и поэтому к ним следует относиться с любовью. Они же первыми в Европе привнесли и такое понятие,

как реинкарнация человеческих душ в животных, в виде наказания за несправедную жизнь. Они первыми высказались о пользе вегетарианства в религиозном толковании.

Мы изучали работы Плутарха, его трактаты обо всех сторонах жизни: политике и любви, о нравственности и добродетели. Для меня было удивительным узнать, что даже в такие давние времена люди задумывались над вечными вопросами бытия.

Древнейшие легенды, передаваемые из уст в уста, рассказывали через пророков и легендарных героев о нескончаемых поисках истины.

Мы говорили о древних религиях и их развитии. О том, как зарождались и умирали различные религиозные течения и понимание Бога. О воздействии религиозного творчества на жизнь людей. О роли пророков, которые появлялись на протяжении всей истории человечества.

Пророки, в отличие от философов-язычников, не измышляли собственных религиозных идей. Они учили свой народ тому, как следует на основе веры в Бога жить добродетельно и праведно. Через них, Божьих избранников, Господь доводил до людей Свою волю и предсказывал будущее. При этом пророки видели свое предназначение не столько в том, чтобы предсказывать конкретные факты, но в том, чтобы прозревать высшие смыслы событий,

происходящих в настоящем и готовящихся совершиться в будущем.

И этот бесконечный труд пророков, послуживший мостом через пропасть между человеком и Богом, привел к последнему выводу: божественной природе человека и бессмертию его души.

Глава 4

Как-то утром Элласхида спросила:

— Что ты знаешь о силе мысли, Мишель?

— Я знаю, что мысль есть первопричина всего. Бог-отец — мысль, Бог-сын — слово и Бог-дух — дело. Это основа Христианства.

— Правильно. Но что такое «сила мысли»?

— Не знаю.

— Сегодня мы начинаем второй этап твоего обучения, Мишель. Первым опытом в этом направлении были твои занятия с Жаклин.

— С Жаклин? То есть ты хочешь сказать, что мы будем изучать магию?! О... чем же сможет помочь мне магия? — воскликнул я раздраженно. — Я могу понять наши беседы о религии — это интересно и познавательно, но магия — это в худшем случае языческие ритуалы и сатанинские оргии, а в лучшем — шарлатанство и обман!

— Неужели? А как же послание Тьедвальда, которое ты смог прочесть только благодаря заклинанию Деметры? И, по-моему, это не единственный опыт в твоей жизни? Индийский шаман вернул тебе душу при помощи магии; Эйра поставила такой мощный магический заслон, что даже мне, с моим опытом, почти ни разу не удалось пробиться сквозь него. Что ты скажешь об этом? Если магия тебе не по душе, это не значит, что она есть абсолютное зло или что ее не существует!

Я поднял руки:

— Сдаюсь, ты победила.

— Магия, Мишель, это не ярмарочные фокусы. Магия — это единство силы мысли и слова. Она старше всех религий на земле. Еще первые люди, не знающие Единого Бога, при помощи магии лечили болезни и укрощали силы природы. Хорошие шаманы могли заглянуть в прошлое и будущее. Поэтому Церковь, борющаяся за власть над умами людей, запретила магию.

— Иисус Христос утвердил этот запрет.

— Да, но он не отрицал ее существования. Он был прав, когда говорил о запрете. Люди утратили истинное знание о назначении магических сил и поэтому приносят больше вреда, чем пользы.

— В чем же состоит это истинное знание?

— В том, что на земле все, от крошечной пылинки до неба над головой, происходит из

единого источника — Божественной воли и, следовательно, подвластно единым законам вселенной. Главное не в истинном знании — оно просто, как все гениальное, а в предназначении, или, как мы выяснили раньше, — выборе между добром и злом.

— Не понимаю, о каких законах ты говоришь?

— Закон вселенной — это закон притяжения: подобное притягивается подобным. Мы получаем то, о чем думаем! Человеческая мысль материальна. Она есть энергетическая субстанция, которая возникает в разуме человека и, отправляясь в полет, притягивает к себе однородные энергетические субстанции. И так как мысль связана с первоисточником, то непременно возвращается к нему, но уже отягощенная и приумноженная во время путешествия, энергией, подобной себе.

— То есть если я хочу убить своего врага и постоянно думаю об этом, то притягиваю к себе убийство?

— Верно. Посмотри на свою жизнь с этой точки зрения. Сколько смертей произошло вокруг тебя? Ты постоянно сталкиваешься со смертью в том или ином виде. И, в конце концов, венцом всего стала твоя собственная, пусть и неокончательная, смерть. Твой враг выследил тебя и уничтожил твою душу, но ты не понял знака и продолжал думать о мести. И он снова нашел тебя, а так как он сильнее,

то разорвал твое тело на части. Ты не погиб лишь потому, что тебе пока не суждено умереть, твой путь еще не окончен. Смерть, как и рождение не бывает случайной.

— Все это глупости. Я любил Диану больше всего на свете. Я хотел быть с нею и, значит, по закону она не должна была умереть, — воскликнул я взволнованно.

— Как раз наоборот. Вы с самого первого шага наделали ошибок. Ты враждебно воспринял мимолетное внимание к ней несчастного шевалье и убил его, то есть допустил мысль о разлуке. Диана, испугавшись решения отца, тоже привлекла к вам мысль о расставании — ваш первый и самый роковой шаг. С этого все и началось. Самым сильным чувством, после любви, был страх разлуки — вы ее получили, — спокойно возразила Элласхида. — Все в мире стремится к гармонии и покою. Вы же своим неудержимым стремлением друг к другу и страхом разлуки нарушили эту гармонию, то есть закон равновесия, и результат не заставил себя ждать. Силы равновесия привели все в норму — убрали источник возмущения: Диана умерла.

— Выходит нужно быть бесчувственным болваном? Все рассчитывать, не допуская мысли о страсти и волнениях любви?

— Нет! Нужно любить, стремиться к желанной цели, гореть страстью и волноваться при

первом свидании, но никогда не допускать мысли о разлуке. Слышишь? Никогда! Подобное притягивает подобное — нерушимый закон Притяжения!

Даже в религии этот закон стоит на самом первом месте: частица святого духа, живущая в нас, побуждает искать Господа, то есть дорогу домой! Иисус говорил об этом. Мы все временные жители на земле — наш дом царствие небесное. Поэтому тот, кто хотя бы раз принял Бога, хочет он того или нет ищет дорогу домой.

— Это не относится к вампирам.

— Почему?

— Мы прокляты. Вампиры получили вечную жизнь на земле, значит бессмертие души им недоступно.

— Ерунда! Мы тоже божьи создания. Разве у тебя нет души? По-моему ты, как никто другой, знаешь о ее присутствии. Никто не отнимал ее у нас, и, стало быть, ее дом в раю или в аду — все зависит от нас. Добро или зло — вселенский закон Притяжения.

Глава 5

Элласхида несколько дней дала мне на отдых и на общение с друзьями. Время от времени кто-нибудь из них посещал меня, чтобы принести

одежду и поделится новостями. Вчера вечером я распрощался с Тъери и Эмили. Они рассказали, что мои друзья покинули остров Перстня и живут теперь во Франции. Это решение приняли, когда Амар подрос и ему стало необходимо жить среди живых людей. Никто из нас не поступил бы с ним жестоко и не превратил его в вампира. Поэтому они купили большое поместье возле Парижа. Войдя в мир людей, приемные родители мальчика дали ему возможность жить нормальной человеческой жизнью.

Кроме этого они принесли и печальную новость. Во время ужасного шторма, который застиг шхуну «Санта Нинья» погибла Орианна, когда с Луисом и Полем возвращалась на остров. Матросам удалось спастись, но они не нашли Орианну среди бушующего океана и без нее вернулись к Тибальду и Тъери. Я долго переживал эту печальную новость, вспоминая слова Орианны о том, что она умеет плавать и вампиры не тонут.

Сегодня занятия начались не совсем обычно: Элласхида впервые начала их за пределами нашей пещеры.

Когда-то Жаклин учила меня простым навыкам магических заклинаний, составам травяных настоев и прочей знахарской чепухе. Конечно, помимо практических занятий мы много разговаривали, и это были очень интересные и

важные для меня беседы. Но то, чему меня стала учить Элласхида, было совершенно необычным.

— Человеку подвластны силы природы, она подчиняется его воле. Но мы не будем заниматься физической магией. Нас интересует магия мысли и слова, — жрица жестом пригласила следовать за ней.

Мы поднялись на вершину каменного столба, стоявшего отдельно от гор. Его голая вершина, обдуваемая теплым ветерком, высилась над расположенной внизу долиной. Сумерки, стремительно опускавшиеся на землю, окутывали окрестности мистическим полумраком. Солнечный диск уже скрылся за вершинами, но его лучи, отражаясь от висящих на горизонте облаков, высветили восхитительную картину заката. Желтые, багровые, розовые и почти черные цвета сочетались с синевой небосклона, перетекая друг в друга и изменяясь ежеминутно.

— Закрой глаза, Мишель, вдохни глубоко и спокойно. Почувствуй, как с каждым вдохом в тебя входит покой, а с каждым выдохом твой разум очищается от всех мыслей. Дыши, используя мышцы живота, наполняя легкие до краев. Медленный вдох — и ты наполняешься золотым и теплым светом, освещающим все закоулки разума, не оставляя места размышлениям. Выдох — все напряжение уходит вместе с воздухом, сознание

освобождается, мысленный водоворот мельчает и останавливается.

Я чувствовал, как необычайное чувство тепла и свободы наполняет меня, освобождая от всех тревог и забот. Уходило постоянно гнетущее чувство вины и смятения. Я вдыхал теплый воздух покоя, выдыхая огненный жар ненависти.

Несколько месяцев длилось мое обучение по очищению разума. Наконец я научился мгновенно приводить себя с состояние полной отрешенности от происходящего вокруг. При нашей способности думать о множестве разных вещей одновременно, это было необыкновенно приятно. Замолкали все внутренние голоса, непрерывно кричащие, говорящие и шепчущие, раздражающие порой своей надоедливостью. Было приятно уйти на время от этого непрерывного гула, стоявшего в голове.

— Мишель, ты должен понять одну вещь, — сказала жрица, когда я в очередной вечер погрузился в спасительное состояние тишины, — необходимо сделать шаг внутрь себя, чтобы оценить шаг вовне.

Ее голос звучал в моем свободном сознании, не отвлекаемый никакими посторонними мыслями.

— Тебе необходимо научиться каждое свое действие уравнивать последующим пересмотром и исследованием. Отныне ты должен стремиться жить по правилу, когда твоя внутренняя

воля уравнивается внешней. Только в таком случае ты сам сможешь находиться в состоянии покоя и быть наблюдателем, способным принять в нужный момент верное решение.

Запомни, продвижение к заветной цели — есть решение мелких задач, стоящих на твоём пути. И очень важно знать, какие задачи ведут тебя к этой цели, а какие мешают, отвлекая и путаясь под ногами.

Что ты считаешь главным в своей жизни? Мечь? Наказ Тьедвальда? Отстраниться от всего и уйти в сторону? Все подвластно тебе. Ты вершитель своей судьбы, и тебе принимать решение. Но прежде чем принять его, ты должен быть твердо убежден, что твой выбор сделан не в порыве эмоций и не по чувству долга, а по собственному внутреннему зову сердца и разума. Только если внутреннее ощущение своей правоты и твердая воля, соединившись, принесут убежденность — тогда ты можешь быть уверенным в правильности выбранного пути.

Каждый вечер я приходил на вершину скалы и, погрузившись в отрешенное состояние, вызывал в памяти ключевые моменты из прошлой жизни. Я рассматривал все события, одно за другим, разбирая их по частям и сопоставляя поступки с внутренними ощущениями. Я искал то равновесие, о котором говорила Элласхида, чтобы оценить